

Жизнь замечательных людей

Андрей Каменский

**Роберт Оуэн. Его жизнь и
общественная деятельность**

«Public Domain»

Каменский А. В.

Роберт Оуэн. Его жизнь и общественная деятельность /
А. В. Каменский — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	8
ГЛАВА II. ОУЭН – САМ ХОЗЯИН	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Васильевич Каменский

Роберт Оуэн. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк А. В. Каменского

С портретом Оуэна, гравированным в Лейпциге Геданом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Роберта Оуэна достаточно известно; но с ним в большинстве случаев связано представление о каком-то чудаке, растратившем все свое состояние на неудачные попытки к достижению всеобщего человеческого счастья. Жил и действовал он в то время, когда только начал складываться наш современный *индустриальный* строй; многие из реформ, которые он первый наметил и за которые боролся, сейчас вошли уже в жизнь и лежат в основании ныне преобладающих в ней течений. Но за ним следовало столько блестящих деятелей, наполнивших мир “шумом своего имени”, что память об этом человеке как-то потускнела и имя его, одного из благороднейших друзей человечества, стало отходить на второй план.

Помимо того что с деятельностью Оуэна связан громадный промышленный переворот, который, начавшись в Англии под влиянием изобретений Уатта, Аркрайта и других, положил основание всему нашему современному строю, – Оуэн почти с первых шагов на этом поприще проявил себя реформатором, другом рабочих и неутомимым борцом против тех зол, которые порождает фабричная система уже при самом ее возникновении.

Все свое состояние и всю свою долгую жизнь он отдал делу облегчения участи трудящихся классов. Сам работник с детского возраста, чрезвычайно даровитый, энергичный и практический человек, к тому же один из первых знатоков фабричного дела в Англии, – Роберт Оуэн был человеком, знавшим до тонкости то самое дело, которому он служил с таким самоотвержением, с такою верою и непреклонной энергией. Он сам жил среди народа, и ему хорошо были знакомы его страдания, происходившие от невежества и бедности, и против этих двух главных зол он боролся до конца своей жизни. Многие из попыток Оуэна были неудачны; но ни насмешки, ни порицания его врагов не могли сбить его с раз избранного им пути, и он оставался верен своей задаче до последнего дня своей долгой жизни.

Нравственный облик Роберта Оуэна до того привлекателен своею правдивостью, доброю, каким-то “благодатным, светлым спокойствием”, что, помимо всех его заслуг как общественного деятеля, на его личности невольно останавливаешь взгляд как на одном из лучших современных воплощений истинного христианина. Применяясь к ходячему шаблону, Роберта Оуэна нельзя назвать великим человеком или великим деятелем, игравшим крупную роль на одном из тех видных поприщ, которые обыкновенно составляют достояние истории. Он посвятил себя самой неблагоприятной деятельности, явившись в свое время единственным защитником только что народившегося рабочего класса, и понятно, что его ожидали на этом поприще частые неудачи и разочарования. Но главный интерес такой жизни заключается не в достигнутых успехах, не в блеске славы, а в верном служении высокому идеалу и в непреклонных попытках к его достижению.

Чтобы читатель мог составить себе ясное понятие о работе, выпавшей на долю Роберта Оуэна, нам следует коснуться в этом очерке его жизни общего состояния английской промышленности в период, предшествовавший его рождению, то есть до 1770 года, и сравнить его с теми громадными переменами, которые были вызваны повсеместным введением машин, после чего в течение каких-нибудь двадцати лет окончательно рухнул старый порядок и на его месте вырос наш современный *индустриализм*, или *фабричная система* крупного производства, а с нею вместе и весь теперешний общественный строй.

Оуэн не особенно счастлив на биографов; считавшаяся до сих пор лучшим сочинением о нем английская книга Сарганта “Роберт Оуэн и его общественная философия” (1860) хотя и написана добросовестно по отношению к фактическим данным, но страдает духом партийности; другая маленькая книжка, Бутса (1869), – также не лишена этих недостатков. Лучшая английская биография Роберта Оуэна принадлежит перу его друга и сотрудника Л. Джонса. Это книга, отличающаяся богатством фактического материала и беспристрастием. Вместе с автобиографией Оуэна, изданной незадолго до его смерти в 1858 году, она послужила главным материалом при составлении нашего биографического очерка. Лучшее, что только существует о Роберте Оуэне в русской литературе, – превосходная статья Добролюбова (“Р. Оуэн и его попытки общественных реформ”), которую также пользовался автор очерка. Из сочинений Роберта Оуэна переведена на русский только его книга “Об образовании человеческого характера”.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Рождение. – Школа. – Даровитый ребенок. – Религиозные увлечения. – Приезд в Лондон. – Ученик в стамфордской лавке. – Его хозяин. – Занятия Оуэна в Стамфорде. – Приказчик в Лондоне. – Тяжелая жизнь. – В оптовом складе Саттерфильда. – Привлекательный характер юноши. – Свое дело

Роберт Оуэн родился 14 мая 1771 года в маленьком городке Ньютауне в графстве Т Монтгомери в Уэльсе; он был младшим из семи человек детей. Отец его был седельником и, кроме того, содержал деревенскую почтовую контору. Его мать была дочерью мелкого фермера, из окрестностей того же Ньютауна.

Насколько известно, Роберт Оуэн был в детстве чрезвычайно бойким, даровитым мальчиком. Еще до пяти лет он стал посещать местную школу и поражал учителя своей любознательностью: он был самым прилежным учеником. Оуэн сам рассказывает, как однажды, спеша в школу, наглотался горячей овсяной кашицы, так что с ним сделалось дурно. Последствия этой детской неосторожности остались на всю жизнь, и он всегда страдал плохим пищеварением. К семи годам ученик уже исчерпал весь запас знаний своего учителя, и тот сделал его своим помощником; эту обязанность Оуэн исполнял в течение двух лет и пособлял педагогу в обучении других ребят, многие из которых были гораздо старше него; таким образом, уже с раннего детства приобрел он навык передачи знаний другим. Как все рано развивающиеся дети, Оуэн проявил большую страсть к чтению; книгами снабжали его местные пастор, доктор и стряпчий. Он поглощал их с жадностью и скоро истощил всю местную библиотеку. В числе книг, прочитанных им за это время, были самые разнообразные, начиная с “Робинзона Крузо” и романов Ричардсона и кончая тяжелыми богословскими трактатами. Когда ему было около восьми лет, он познакомился с тремя проживавшими в том же городе весьма религиозными старыми девами, принадлежавшими к секте *методистов*.¹ Они сильно заинтересовались умным ребенком и попытались обратить его в свою веру, снабжая его множеством брошюр религиозно-нравственного содержания. Но мальчик благодаря уже прочитанным книгам был отчасти знаком со многими из учений постоянно враждующих между собой сект, и в его голову закралось сомнение “в истинной религиозности людей, так ненавидящих друг друга”, как он сам пишет впоследствии. Однако под влиянием этих религиозных тревожений он сам сочинил три проповеди и тщательно хранил их, пока не прочитал монолога Гамлета о Йорике. Тут он убедился, что Шекспир уже многое предвосхитил и, опасаясь обвинения в литературном воровстве, поспешил бросить свое произведение в печь.

Можно себе представить, в какой ужас пришли три благочестивые девицы, увидев столь неожиданный результат их забот о спасении мальчика. Но богословские вопросы не отвлекали его от детских забав, и он отличался между своими сверстниками во всевозможных играх; он также выучился танцевать и, кроме того, потешал местную публику, разыгрывая разные популярные в то время песни на кларнете.

У Роберта был старший брат, также седельник, как и его отец, занимавшийся своим ремеслом в Лондоне; к старшему брату родители и решили отправить мальчика, когда ему минуло десять лет. В своей автобиографии Оуэн описывает это длинное в то время путешествие на империае почтовой кареты, – как он дрожал всю ночь от холода и как, несмотря на просьбы кондуктора, какой-то сердитый пассажир не позволил поместить его внутри кареты.

¹ Методисты – одна из самых распространенных евангелических сект в Англии и Америке, представляющая как бы возрождение пуританства. Методисты не признают священства и принятых форм богослужения. Деятельность их была более всего распространена среди рабочего населения промышленных городов.

“Было темно, – говорит Оуэн, – так что я не мог разглядеть ни самого пассажира, ни сколько народу помещалось внутри... я был рад потом, что не видел его, потому что мне не пришлось сердиться на человека, столь жестоко относившегося к ребенку”.

Он встретил радушный прием в семье своего брата в Лондоне, но провел у него только шесть недель. По просьбе друзей его отца мальчика взял учеником в свою лавку крупный торговец сукнами и шерстяным товаром Мак-Гуффог, живший в Стамфорде, в графстве Линкольншир. Первый год Роберт должен был служить без жалованья; на второй год хозяин положил ему 80 рублей и 100 – на третий. Оуэн, оставался в суконной лавке Мак-Гуффоба в течение трех или четырех лет, и проведенные там годы имели для него большое значение. Он весьма хорошо отзывался о своем хозяине, который полюбил его. Это был человек добрый, замечательной честности и с образованием. Он начал свою карьеру странствующим сельским торговцем и теперь нажил большое состояние, причем пользовался всеобщим уважением не только между низшими классами городского населения, но и среди местных землевладельцев, которые, по словам Оуэна, во время приездов в город из своих имений обыкновенно назначали свидания в его складе.

Здесь Оуэн приучился к аккуратному, методическому ведению дела и приобрел много практических сведений, пригодившихся ему впоследствии; но что было еще важнее для ученика, – в доме его хозяина находилась довольно богатая библиотека, которую Роберт мог свободно пользоваться. Дело в лавке было сравнительно легкое, с десяти до четырех часов; так что он мог посвящать чтению по пять часов в день. Вблизи города находился чудный Борли-Парк, и прогулки по его тенистым аллеям с книгой в руках были лучшим летним удовольствием для мальчика.

“Часто, – говорит Оуэн в своих воспоминаниях, – я проводил время в парке с трех или четырех до восьми утра и потом опять вечером, с шести до наступления темноты. Я выписал многие из поучений Сенеки в небольшую тетрадку, которую носил в кармане, и моим лучшим удовольствием было размышлять о них именно здесь... В этом же парке, служившем мне библиотекой, перечитал я множество хороших книг... часто утром я встречал здесь восход солнца и вечером провожал его на покой...”

По окончании срока своего ученичества Оуэн оставил Стамфорд, хотя сильно полюбивший его хозяин и удерживал мальчика у себя. Но ему хотелось посмотреть свет, и, кроме того, побывав у разных хозяев, он мог лучше ознакомиться со своим делом. Без сомнения, его тянуло и на родину, к своим, так как привязанность к отцу, братьям и к родной семье составляла одну из отличительных черт его характера. Получив от своего старого хозяина самый лучший аттестат, Оуэн первым делом отправился в Лондон, к своему брату. В это же время он побывал и в родном Ньютауне; по его словам, не только родные, но и все жители маленького городка, знавшие его в детстве, чрезвычайно обрадовались ему.

После этого он поступил в большой оптовый склад шерстяных изделий Флинта и Пальмера в Лондоне. Это был один из самых известных в городе торговых домов, стоявший на Старом лондонском мосту, еще в то время застроенном зданиями. Оуэн получал здесь 250 рублей жалованья, пользовался всем готовым и считал себя “богачом”, но зато и работа была тяжелая. Приказчики должны были являться в лавку уже к восьми утра, а в весенние месяцы торговля иногда продолжалась и после десяти вечера; но работа на этом еще не кончалась, так как служащие должны были привести в порядок и положить на место все куски материи, развернутые перед покупателями в течение дня. Таким образом, они иногда уходили из лавки только в два часа утра. “Простояв целый день на ногах, – говорит Оуэн про это время своей жизни, – я едва был в состоянии, придерживаясь за поручень лестницы, добраться до моей кровати”. Кроме приказчиков в этой поистине каторжной работе принимали участие и молодые девушки. Вдо-

бавок ко всему от служащих требовалось, чтобы они являлись перед покупателями не иначе как при полном параде и не пренебрегали тонкостями довольно сложных куафюр² того времени. “Прическа была нешуточным делом в то время, – говорит Оуэн. – Мне приходилось ждать очереди с раннего утра, пока парикмахер напудрит, напудрит и завьет мои волосы и приведет в порядок косу назад. В другом виде мы не смели появляться перед покупателями”.

Совершенно измученный такой непосильной работой, Роберт обратился к своим родным с просьбой похлопотать для него о другом месте и в начале лета получил приглашение на место приказчика в большой оптовый склад шерстяных изделий Саттерфильда в Манчестере. Ему давали здесь уже 400 рублей, предоставляя пользоваться всем готовым. Четырнадцатилетний мальчик с радостью ухватился за это предложение и тотчас же переселился в Манчестер, где ему пришлось провести несколько знаменательных лет, имевших решающее влияние на всю его жизнь. Как и раньше, старые хозяева удерживали его и расстались с ним с сожалением.

Вообще Роберту Оуэну, все время пока он служил у других, весьма везло на хозяев; везде любили и ценили этого мальчика как отличного, исполнительного работника; ценили также его открытый, кроткий нрав и исполненное скромности достоинство, с которым он держал себя. Всех общавшихся с ним – и в этом, пожалуй, заключается тайна его первых успехов в жизни – невольно привлекала к себе эта открытая, благородная натура, чуждая всякой лжи и зависти, полная энергии и одновременно детски простая. Нужно полагать, судя по некоторым местам его автобиографии, что основные черты характера Роберта Оуэна под влиянием перечитанных им с раннего детства книг богословского содержания, полных противоположных взглядов разных сект, уже сложились в это время и что основная идея, проникавшая всю его жизнь: о первостепенном значении человеческого братства, взаимопомощи и любви, – уже твердо укоренилась в его уме в эти первые годы его молодости.

Немалое воспитательное значение для Роберта Оуэна имело и то обстоятельство, что в эти юные годы ему приходилось сталкиваться со множеством людей самых разнообразных характеров и положений в обществе. В Стамфорде у Мак-Гуффога это был высший класс земельной аристократии; лавка на Лондонском мосту посещалась обыкновенными уличными покупателями – рабочими и небогатыми горожанами; в Манчестере у Саттерфильда Оуэн видел купцов, фабрикантов и фабричных рабочих. Неудивительно, что при его врожденной наблюдательности он успел в ту пору жизни, когда многие сидят на школьной скамье, приобрести уже значительный запас житейской опытности и познакомиться с нравами и характерами людей разных сословий.

Оуэн проработал на складе Саттерфильда до 18 лет. В это время он познакомился с одним ремесленником по имени Джонс, делавшим провололочные каркасы для женских шляпок. Оуэну часто приходилось по делу сталкиваться с ним. Джонс рассказал ему о новых удивительных машинах в прядельном деле, которые начинали тогда входить в употребление (1789 год), и прибавил, что он всеми способами старается познакомиться с ними, так как на этом деле можно нажить большие деньги. Несколько времени спустя Джонс сообщил, что ему наконец удалось увидеть некоторые из новых машин в действии и что, по его мнению, он может сделать такие же. Он предложил молодому приказчику взять его к себе в товарищи, если тот со своей стороны сможет внести в дело тысячу рублей, так как, по его предположению, одних барышей будет достаточно, чтобы продолжать и расширить предприятие. Теперь это кажется ничтожной суммой для такого дела; но в те времена, когда бумагопрядильные фабрики только начинали развиваться, случалось много такого, что может показаться теперь невероятным. Роберт решился войти в предприятие своего приятеля. Он занял требуемую сумму у своего брата и оставил своих хозяев.

² причесок

ГЛАВА II. ОУЭН – САМ ХОЗЯИН

Причины, побудившие Оуэна начать свое дело. – Новое промышленное движение. – Дела мастерской. – Роберт Оуэн открывает свою прядильную мастерскую. – Управляющий фабрикой Дринкуотера. – Блестящий успех. – Хозяин приглашает его компаньоном. – Введенные им в прядильном деле усовершенствования. – Слава его изделий. – Разрыв с Дринкуотером

Чтобы понять, как мог решиться “не очертя голову” на такой смелый шаг восемнадцатилетний юноша, следует иметь в виду то время, которое переживал теперь Роберт Оуэн, а также и что за человек он был сам по себе. Сколько известно, Оуэн уже в самой ранней молодости отличался чрезвычайной серьезностью, сообразительностью и ясностью ума; в то же время он был замечательно трудолюбив и энергичен. Новые изобретения Аркрайта, Кромптона и Уатта, произведшие такой переворот в промышленности и привлекавшие всеобщее внимание, не могли не увлечь и нашего даровитого юношу. Изобретения эти совершенно изменили весь прежний строй жизни людей, причастных промышленному делу.

К 1789 году, когда Роберт Оуэн начал свою самостоятельную деятельность, старинные порядки уже являлись почти исключением; но перемены в системе работы и в связанном с работой образе жизни часто происходили на его глазах, в виде частных случаев, о которых постоянно говорили. Поэтому участие Оуэна в новом деле было в духе времени и совершенно естественно, особенно при его предприимчивости и близком знакомстве с тем, что происходило вокруг него.

Не теряя времени, Роберт Оуэн со своим компаньоном тотчас же принялись за устройство прядильной мастерской, и вскоре у них уже работало 40 человек, занятых постройкой необходимых машин, причем материал они получали в кредит. Однако Оуэн скоро заметил, что товарищ его Джонс – человек несведущий и совсем не деловой; сам он хотя и не обладал практическим навыком в машиностроении, но был обстоятельно знаком с ведением коммерческих дел, со счетоводством и мог наблюдать за рабочими. Они строили так называемые *мюль-машины*,³ и хотя благодаря его наблюдению дело шло хорошо, но Оуэн, убедившись в неспособности своего товарища, был не прочь уйти от него. В это время Джонс нашел себе еще одного компаньона, с деньгами, и, так как они желали остаться вдвоем, предложил Оуэну выделиться, с тем чтобы ему как участнику предприятия досталась известная часть машин. Юноше было теперь девятнадцать лет, ему предстояло одному начать жизненную борьбу. Когда пришло время окончательного расчета с компаньоном, Оуэн, получил от последнего только половину условленного числа машин; но и с ними он решил начать самостоятельное дело и открыл маленькую прядильню в одном из переулков Манчестера. Он стал покупать теперь грубую пряжу, переделывая ее потом в тонкую нить и поставляя товар фабрикантам кисеи, производство которой началось в Англии только с 1780 года. Со своей маленькой мастерской, при трех рабочих, Роберт Оуэн получал до трех тысяч рублей ежегодной прибыли и считал, что дела его идут очень хорошо. Он мог бы постепенно расширять свое небольшое дело, но этот процесс показался ему слишком медленным; в таком городе, как Манчестер, где как грибы росли большие предприятия, он предпочитал участвовать в какой-нибудь крупной фирме, – хотя бы на первое время и в качестве служащего, – чем вести самостоятельное маленькое дело с надеждою на отдаленный успех.

³ Мюль – одна из главных машин для прядения, составляющая в усовершенствованном виде необходимую принадлежность каждой прядильной фабрики и в настоящее время. Изобретена Кромптоном в 1779 году.

В это время владелец одной из больших манчестерских бумагопрядилен, некто Дринкуотер, искал управляющего на свою фабрику и поместил об этом объявление в местных газетах. Роберт Оуэн тотчас же явился к нему с предложением своих услуг. Пораженный его молодостью, Дринкуотер спросил, сколько ему лет и какое он желает получить жалованье.

– Три тысячи рублей, – отвечал молодой человек.

– Три тысячи рублей?! – воскликнул изумленный хозяин. – У меня сегодня утром перебывало с предложениями множество людей, и, пожалуй, все они, взятые вместе, не требовали столько, сколько вы желаете получить один.

– Я не могу руководствоваться тем, что просят другие, – отвечал юный претендент на место. – Я не могу взять меньше. Я зарабатываю эту сумму на своем собственном деле.

И он предложил нанимателю осмотреть его мастерскую и проверить его книги. Хозяин фабрики немедленно пошел с ним, осмотрел все и, собрав необходимые справки, тут же ударил с ним по рукам; при этом он приобрел у Оуэна и все его машины по цене их первоначальной стоимости.

Роберт Оуэн сам сознается, что поступил необдуманно. Сначала он испугался принятой на себя ответственности. На фабрике работало до 500 человек; он же не получил правильного образования, был молод и к тому же застенчив, даже почти робок, особенно в отношениях с незнакомыми людьми, если они выходили за пределы его дела. Действительно, ему предстояли громадные заботы. Он совсем не привык управлять таким числом рабочих. Кроме того, Оуэн должен был сам покупать сырой материал, заниматься усовершенствованием машин, выделять пряжу из хлопка, продавать готовые изделия, вести счета, рассчитываться с рабочими – одним словом, “руководить первым заведением для выделки самых тонких номеров пряжи”, причем после человека, который славился тогда как один из лучших знатоков этого дела в Манчестере.

Приводим рассказ самого Роберта Оуэна о том, как он справился с этими трудностями.

“Я осмотрел все это до мельчайших подробностей, а также ознакомился с чертежами машин, составленными моим предшественником; они оказались чрезвычайно полезными для меня. Утром я приходил на фабрику первым и сам запирали ее вечером, унося с собою ключи. Я продолжал таким образом присматриваться к делу в течение первых шести недель, отвечая только утвердительно или отрицательно на вопросы, с которыми ко мне обращались, и не делая в течение этого периода никаких прямых распоряжений”.

Фабрика уже отличалась тогда своими высокими номерами, то есть тонкостью выделяемой бумаги; но Оуэну удалось в скором времени еще более усовершенствовать качество товара, благодаря чему, конечно, увеличился и самый оборот. Владелец хотя и редко бывал на фабрике, но пристально следил за успехами своего молодого управляющего, весьма понравившегося ему, кроме того, своими скромными манерами. Он вполне сознавал, насколько удачен был его выбор. По прошествии шести месяцев Роберт Оуэн получил первое приглашение от своего хозяина в его загородный дом, причем тот добавлял, что имеет сообщить нечто важное. Роберт повиновался, хотя не без смутных ожиданий чего-нибудь неприятного. Поэтому он был сильно поражен, когда Дринкуотер обратился к нему с такими словами:

– Мистер Оуэн, я послал за вами, чтобы сообщить вам о деле одинаково важном для нас обоих. Я следил за вашими действиями и очень доволен всем, что вы сделали. Теперь я хочу, чтобы вы согласились совсем остаться у меня. Я дам вам три тысячи рублей за этот год; и если вы решитесь остаться, то на следующий год я положу вам четыре тысячи рублей, а на третий – пять тысяч. К тому времени у меня подрастут два сына, и на четвертый год вы вступите в товарищество с ними и со мной и будете получать четвертую часть прибылей; вы сами знаете, какой суммы они могут достигнуть. Что вы скажете на мое предложение?

Конечно, Оуэну осталось только согласиться. Новый договор о будущем его участии в делах фирмы был тут же написан, и он повез домой в кармане его копию. Шел 1790 год, так что ему в это время еще не было двадцати лет. Такой невероятный успех, даже и по тогдашним меркам, конечно, обещал ему самую блестящую карьеру в будущем.

Дринкуотер при свидании дал ему все необходимые полномочия для усовершенствования дела. Как и раньше, Роберт Оуэн прикладывал все усилия, чтобы фабрика вырабатывала самые тонкие номера пряжи, причем ему приходилось обращать особенное внимание на качество покупаемого сырого материала – хлопка, так как требовались только самые лучшие и тонкие сорта; благодаря этому он получил такой навык в браковке сырья, что скоро стал считаться первым знатоком хлопка на английском рынке. Через год после своего поступления на фабрику, благодаря тщательному выбору сырого материала и сделанным им усовершенствованиям в машинах, Оуэн довел изделия фабрики до такого совершенства, что вместо № 120, считавшегося прежде самым тонким номером бумаги, он уже выделял № 300 и выше, то есть число мотков бумаги (в каждом мотке тогда было по тысяче аршин), выходявших из одного фунта хлопка, увеличилось при нем более чем в два с половиною раза. За такую бумагу покупатели – особенно в кисейном деле – охотно давали на 50 % дороже обыкновенной цены, причем фабрика не успевала выполнять всех поступающих заказов. На товаре, выходявшем с фабрики, Оуэн выставял свое имя. О тех барышах, которые Роберт Оуэн тогда давал своему хозяину, можно судить по следующему расчету, приведенному в его записках. Он платил пять шиллингов за один фунт хлопка, из которого выделялось 250 *мотков*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.